Бум!

Канна, задремавшая на диване, открыла глаза.

Она услышала какой-то звук.

Как только она попыталась понять, что произошло,

Бум!

Снова раздался громкий звук.

— Что ты там делаешь, раз не открываешь дверь?! Открой сейчас же, или я сломаю!

Снаружи звучал пронзительный голос женщины средних лет. В тот же миг что-то снова ударило в дверь.

Бум! Бум!!

Звуки исходили один за другим.

Канна уставилась на дверь, не выражая никаких эмоций, потом, сообразив, что заперта изнутри, вскочила.

Она не помнит, как закрыла дверь.

Конечно, это была Мэри!

— Сейчас я открою!

Крикнув, она поспешно повернула защелку на двери.

И там увидела слуг, держащих хлысты под командой женщины.

‘Джозефина появилась, значит’.

Настоящая хозяйка дома.

Мачеха Сильвиена Валентино и свекровь Канны.

'Графиня Джозефина Эллестер'.

Она не биологическая мать Сильвиена. Сильвен потерял свою настоящую мать в возрасте десяти лет. Потом у его отца появилась новая жена — Джозефина, и после смерти герцога она не покидала особняк.

Титул графини Эллестерской — лишь одно из многочисленных званий, присущих герцогине.

Она графиня Эллестерская только на словах. Женщина все еще ведет себя как герцогиня Валентино.

— Как ты думаешь, что ты наделала? Ты хочешь, чтобы тебя наказали?

В комнату вошла Джозефина. Она раскрыла свой складной веер и посмотрела на нее с презрением.

— Мэри рассказала мне необычные вещи, кроме того...

За дверью Мэри самодовольно улыбалась. Канна уже ожидала такого исхода.

— Ты забыла правило, что каждое утро должна приходиться и здороваться со мной? Уже час дня, а ты даже не поприветствовала меня за обедом!

— Нет, я вовсе не забыла.

В семь утра, в двенадцать и в шесть вечера каждый день. Ей приходилось встречать ее три раза ежедневно. Если она опоздает хотя бы на минуту, то приходилось выслушивать всевозможные оскорбления и унижения.

Вспоминая годы тяжелой работы и страданий Чжу Хвы, Канне захотелось рассмеяться.

— Я просто не хотела этого делать.

Возможно, так лучше.

Она все равно подумывает о разводе, так что будет просто замечательно, если Валентино станет негодовать и возмущаться.

Будет лучше, если ее выгонят.

— Приветствовать вас три раза в день. Я уверена, что все дамы удивлятся, услышав о таком. Знаете, даже во времена моей матушки у них не было подобного старомодного этикета.

Всеобщее изумление вызвало молчание.

Произнеся эти слова, Канна пожала плечами.

Слуги за дверью и даже Джозефина потеряли дар речи.

— Ты ... что ты только что сказала?

Мэри шагнула вперед и недоверчиво произнесла.

Джозефина не могла поверить, что Канна, глупая девчонка, выпорола Мэри.

Разве она не безумная идиотка, которая всегда заботится только о том, как люди станут к ней относиться, что о ней подумают?

Ей казалось, что Мэри блефует, или же Канна сошла с ума...

'Она не в своем уме!'

Как Канна могла ей ответить? Она с удовольствием съест пищу, упавшую на землю, если это заставит кого-то полюбить ее!

— Для нашей семьи подобное неотъемлемо. Нравится тебе это или нет, но ты вышла замуж за моего драгоценного сына, так что ты обязана следовать требованиям этой семьи!

— Это правило. Вы все выдумали, не так ли?

— Что?

— Я думаю, вы сделали это лишь по прихоти, объединив свою неприязнь ко мне и идею семейных правил. Разве вам не стыдно за давнюю историю семьи Валентино?

Все снова оцепенели. Однако ожидаемый ответ пришел очень скоро.

— Кто-нибудь! Немедленно схватите эту дрянь!

Слуги, наблюдавшие за происходящим, подошли и схватили Канну за руки.

— Сегодня я научу тебя дисциплине! Дайте мне кнут!

Мэри протянула заранее приготовленный хлыст. Его ремешок выглядел намного толще, чем тот, которым пользовалась ранее Канна.

— Мэри! Подними ей юбку прямо сейчас!

— Да, госпожа!

Мэри тут же дернулась и схватила Канну за подол. Горничная хоть и выглядела спокойной, но внутри испытывала удовольствие.

Однако...

— Уберите руки.

Стук.

Нога Канны оттолкнула руки Мэри. Она приподняла юбку и улыбнулась.

— Я сделаю это.

— ...

— Вы можете начинать, дорогая мама.

От этой ледяной улыбки у Мэри и Джозефины побежали мурашки по спине.

Они знают личность Канны и то, как она должна умолять о прощении...но вместо этого она откровенно издевалась и их провоцировала!

— Ты думаешь, я просто шучу?! Нет! Я сама накажу тебя, пока ты не осознаешь свои ошибки!

Дисциплина, дисциплина.

Канна, обдумав это слово, расхохоталась.

— Ты наказываешь свою невестку кнутом. Как и следовало ожидать от благородной семьи. Герцог Валентино наверняка возгордится учением своей матери.

— Держи рот на замке! Как ты смеешь мне перечить!

Удар!

На мгновение ее пронзила боль. Канна стиснула зубы.

Она была полна решимости пойти на такое...но это так больно, что крик едва не сорвался с ее губ!

Охваченная гневом, Джозефина снова высоко подняла руку, готовясь ударить со всей силой, которая у нее есть.

Удар!

— В доме Эдисов тебя не обучали этикету, верно? Как бесстыдно! Как может такой необразованный человек жить в моем особняке!

Удар!

Удар!

Чем дольше продолжалась порка, тем больше красных линий появлялось на ее икрах.

Вскоре кожа начала потрескиваться, и брызнула кровь. Горничные, наблюдавшие за происходящим, подавили крики.

Но Канна только крепче сжала юбку. Она прикусила губу.

'Я не издам ни звука, ни тем более крика'.

Если Канна закричит, Джозефина наверняка испытает удовольствие.

До сих пор она не собиралась удовлетворять женщину, которая обращалась с ней, 'Ли Чжу Хвой', как с собакой!

— Ха, ха ...

Как давно это было?

Рука Джозефины дернулась. Ее мышцы напряглись от слишком большой силы, к которой она не привыкла. К этому времени икры Канны полностью покрылись кровью.

— Неужели ты еще не поняла свою ошибку?!

— Я ничего не делала.

— Ты....!

Бесстрашная стерва!

Джозефина и слуги лишились дара речи.

Сначала лицо Мэри выглядело так, будто наслаждалось просмотром, но теперь стало бледным, словно чистое полотно.

Ее икры покрылись кровью, а затем, покраснев, распухли!

'Безумная. Должно быть, она сошла с ума. Как может человек так измениться за одну ночь!'

Лицо Канны промокло от холодного пота, но она и не думала сдаваться.

Но и Джозефина тоже. Она отдала хлыст стоявшему рядом слуге и приказала ему нанести удар.

— Ты, ударь ее хлыстом!

— Простите?

— Ты что, не слышишь меня?! Возьми, чёрт возьми, ее и выпори!

— Но, госпожа...

Хотя это и не похоже на правду, но Канна все еще остается женщиной благородной крови.

Но даже тогда она приказала ему, слуге и мужчине, ударить? Думала ли она вообще о том, что заставляет его сделать?

— Быстро!

Наконец, слуга с неохотой приблизился к Канне и нерешительно поднял кнут.

Стук!

Он слегка коснулся ее.

— Что это такое?! Сделай как следует!

— Г-госпожа. Но это уже... икры молодой леди...

Ее икры уже покрылись многочисленными ранами, так как же он должен хлестать ее еще больше?!

Нерешительность слуги заставила Джозефину замолчать. Она так взбесилась, что выпорола Канну со всей силы, но слуга прав. На икрах Канны виднелось столько ран, что больше некуда бить.

'Я уверена, что сейчас она на пределе своих возможностей'.

Джозефина взглянула на лицо Канны и злобно спросила.

— Ты все еще думаешь, что не сделала ничего плохого?

Канна слабо улыбнулась.

Это потому, что она стиснула зубы?

У нее болела челюсть, и все тело покрылось холодным потом.

От икр исходил болезненный жар, казалось, обжигаящий все ее тело.

'Я не хочу так жить'.

Три раза в день в определенное время.

Она должна прийти и поприветствовать свою свекровь?

Это похоже на насилие. Скрытое запугивание.

'Никогда, я не собираюсь так жить'.

Она не знает, что случилось, но она вернулась в свой мир.

Канна желает снова оказаться в Корее, но возможно ли это?

Вот почему ей хотелось по-настоящему жить.

Не как животное, а как достойный человек.

Так что, если она сейчас сдастся, ничего не изменится.

Ничего.

— Нет, виновата я.

Ответила Канна хриплым голосом.

Теперь она наконец-то признает свою ошибку!

В тот момент, когда Джозефина торжествующе улыбалась, Канна продолжила.

— Я не должна была делать то, что изначально не желала. Я со всем мирилась, потому вина лежит на мне.

<http://tl.rulate.ru/book/46467/1104336>